

Библиография в контексте учения о библиосфере: состояние и перспективы развития¹

Е. А. Плешкевич

**Плешкевич
Евгений
Александрович,**

Государственная
публичная
научно-техническая
библиотека
Сибирского отделения
Российской академии
наук, ул. Восход, 15,
Новосибирск,
630200, Россия,

доктор педагогических наук, кандидат
исторических наук, главный научный
сотрудник, лаборатории информационно-
системного анализа ГПНТБ СО РАН

ORCID: [0000-0002-8781-7384](https://orcid.org/0000-0002-8781-7384)

e-mail: ear1966ear@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу методологического потенциала основных положений учения о библиосфере, разрабатываемого А. В. Соколовым. Отмечено, что ее источником выступила концепция ноосферы В. И. Вернадского, получившая развитие в работах Н. Н. Моисеева. Основу учения составил ряд положений. Первое из них касается определения библиосферы. В разных работах А. В. Соколова она определяется по-разному: как часть социального пространства, как национальная система инфраструктурных книжно-коммуникационных систем, сложившихся на индустриальном этапе техногенной цивилизации, как часть документосферы, как супер-система книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая воспроизводство, сохранение и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Второе положение касается Библиологоса, или Книжного разума как управляющего начала библиосферы. Содержание третьего положения посвящено выделению в качестве основного противоречия библиосферы коллизии между книжной и цифровой культурой. Четвертое, заключительное положение направлено на раскрытие гуманистического характера библиосферы. Оно базируется на представлениях о гуманистической природе книги. Проанализированы имеющиеся противоречия. К ним отнесены, во-первых, невозможность прямого переноса терминологии и основных положений из теории ноосферы в библиотечно-библиографические концепции ввиду разности масштабов данных теорий, а также прикладного характера последних. Во-вторых, выделенное А. В. Соколовым противоречие рассматривается как локальная проблема, вызванная переходом к новым технологиям. Ее разрешение не является ключевым моментом и не определяет вектор развития библиотечного дела и библиографии. В-третьих, ставится под сомнение обоснованность выделения Библиологоса как управляющего начала в рамках теорий, построенных на принципах научной рациональности, исключающей обращение к мистике. В-четвертых, отмечается, что гуманистический характер библиотечному делу и библиографии придает не природа книги, которая сама по себе индифферентна, а библиотечно-библиографическая деятельность, направленная на гуманистическое развитие общества. Основные выводы. Идея создания теории, основные положения и методология которой позволяют комплексно рассматривать социальные, информационные, технологические и этические (гуманистические) аспекты библиотечного дела и библиографии, актуальна для современной библиотечно-библиографической науки в условиях перехода к новой модели организации библиотечного дела и библиографии. Анализ Учения о библиосфере показал, что оно потенциально может стать таковой теорией при условии успешного разрешения обозначенных нами противоречий и нерешенных

¹ Научная статья подготовлена на основе доклада на III Международном библиографическом конгрессе, 27–30 апреля 2021 г.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021

Получена после доработки 19.05.2021

Принята для публикации 24.05.2021

© Е. А. Плешкевич, 2021

вопросов. При этом принципиальным с методологической точки зрения является возврат на позиции материализма и диалектики.

Ключевые слова: библиография, методология библиографоведения и библиотековедения, библиологос, библиосфера, А. В. Соколов

Для цитирования: Плешкевич Е. А. Библиография в контексте учения о библиосфере: состояние и перспективы развития // Библиосфера. 2021. № 2. С. 51–58. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-2-51-58>.

Bibliography and the doctrine of bibliosphere: the state and prospects of development

Evgeny A. Pleshkevich

Pleshkevich Evgeny Alexandrovich,

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Voskhod st., 15, Novosibirsk, 630200, Russia,
Doctor of Sciences (Pedagogic), PhD (History), Chief Research Worker, Laboratory of Information and System Analysis, SPSTL SB RAS

ORCID: [0000-0002-8781-7384](https://orcid.org/0000-0002-8781-7384)

e-mail: eap1966eap@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the methodological potential of the main provisions of the Doctrine of Bibliosphere, developed by A. V. Sokolov. It is noted that its source is the concept of Noosphere by V. I. Vernadsky, which has been developed in the works of N. N. Moiseev. The basis of the Doctrine is a number of provisions. The first one concerns the nature of bibliosphere. However, in different works by A. V. Sokolov, it is defined in different ways, e.g. as part of a social space, as a national system of infrastructural book and communication systems that have developed at the industrial stage of man-made civilization, as a part of the document sphere, as a supersystem of book and communication systems that ensure the reproduction, preservation and further development of the national book culture. The second proposition concerns Bibliologos, or Book Mind, as the governing principle of Bibliosphere. The content of the third provision is devoted to the identification of the conflict between book and digital culture. The fourth and final statement is aimed at revealing the humanistic nature of Bibliosphere. It is based on ideas on the humanistic nature of book.

The existing contradictions are analyzed. They include, first of all, the impossibility of the direct transfer of terminology and basic provisions of the theory of Noosphere to library and bibliographic concepts due to the difference in the scale of these theories (Noosphere and Bibliosphere), as well as the applied nature of the latter. Secondly, the contradiction highlighted by A. V. Sokolov is considered as a local problem caused by the transition to new technologies. Its resolution is not of a key nature and does not determine the vector of development of librarianship and bibliography. Third, the author questions the validity of identifying Bibliologos as a governing principle within the framework of a theory based on the principles of scientific rationality, which excludes the appeal to mysticism. Fourth, it is noted that the humanistic nature of librarianship and bibliography is given not by the nature of the book, which is indifferent, but by library and library and bibliographic activities aimed at the humanistic development of society.

As a result of the analysis of Doctrine, the author comes to the conclusion that the idea of creating a theory, the main provisions and methodology of which allow us comprehensive consideration of social, information, technological and ethical (humanistic) aspects of librarianship and bibliography is relevant for modern library and bibliographic science in the context of the transition to a new model of organizing librarianship and bibliography. The analysis of the Doctrine on Bibliosphere has shown that it can potentially become such a theory, provided that the contradictions and unresolved issues identified by us are successfully resolved. At the same time, from a methodological point of view, it is fundamental to return to the positions of materialism and dialectics.

Keywords: bibliography, methodology of bibliography and library science, bibliologos, bibliosphere, A. V. Sokolov

Citation: Pleshkevich E. A. Bibliography and the doctrine of bibliosphere: the state and prospects of development. Bibliosphere. 2021. № 2. P. 51–58. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-2-51-58>.

Received 17.05.2021

Revised 19.05.2021

Accepted 24.05.2021

Введение

Одной из особенностей перехода на новые информационно-телекоммуникационные технологии выступает их комплексное воздействие не только на библиографию, книжное и библиотечное дело, но и другие общественные институты. Это предопределяет необходимость создания теории, синтезирующей различные аспекты. С методологической точки зрения, это должна быть трансдисциплинарная теоретическая конструкция. По наблюдениям М. Г. Вохрышевой (Вохрышева, 2017, с. 11), такая конструкция перспективна, поскольку интегрирует различные приемы исследования, обеспечивает единство знания за пределами конкретной дисциплины, формирует новое интеллектуальное пространство и горизонт мышления. Более того, методы комплексного трансдисциплинарного исследования, продолжает автор, перспективны для библиотековедения, библиографоведения и книговедения (Вохрышева, 2019). С предложением разработки такого учения выступил профессор А. В. Соколов, начавший несколько лет назад разработку трансдисциплинарного учения о Библиосфере (Соколов, 2016а, б, с, 2017, 2019, 2020, 2021). Также к решению этой задачи подключился историк и политолог профессор А. С. Тургаев (Соколов, Тургаев, 2020). Понимание важности осмысления методологического потенциала учения о библиосфере (далее – учения) обусловило актуальность нашего исследования.

Целью статьи выступает анализ эвристического потенциала учения о библиосфере применительно к исследованиям, направленным на разработку новых моделей организации библиографии и библиотечного дела, а также выявление перспектив дальнейшего его развития как фундаментальной основы для теоретических изысканий в библиографоведении и библиотековедении.

Краткий обзор основных положений учения о библиосфере

Сразу оговоримся, что это учение находится в стадии разработки, поэтому мы опираемся на наше видение источников его создания, структуры и основных положений. Концептуально оно основывается на представлениях о В. И. Вернадского о ноосфере и идее ее гуманистической природы, высказанной академиком Н. Н. Моисеевым (Моисеев, 1995). В основе представлений лежит два тезиса: 1) о нарастании противоречий между цивилизацией и окружающей средой и 2) о необходимости участия в разрешении этого противоречия Коллективного Разума (Интеллекта), способного остановить самоубийственную

эксплуатацию природы. Отсюда следует осознание необходимости интенсификации гуманистического и экологического воспитания, с тем чтобы люди воспринимали себя не повелителями, а частью Природы. Развивая эти представления, А. В. Соколов отмечает, что структурные модели человека² формировались социально-коммуникационными институтами (Соколов, 2017, с. 80). К таковым, помимо церкви и образования, отнесена «документосфера», включающая библиотеки, музеи и архивы. Тезис о самостоятельности документосферы положен в основу оригинального учения о сфере, образуемой миром книг. Первое из ее положений касается понятия библиосферы. В монографии, посвященной библиосфере (Соколов, 2016а), Соколов представляет на суд читателя две ее дефиниции. В первой из них библиосфера определяется как социальное пространство, включающее в себя библиотечные, библиографические, книгоиздательские, книготорговые социальные институты и сопутствующие социальные явления: библиофильство, цензура, некоммерческие объединения типа «Пушкинская библиотека»; во второй – как сложившаяся на индустриальном этапе техногенной цивилизации национальная система инфраструктурных книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая сохранение, воспроизводство и дальнейшее развитие нации (Соколов, 2016а, с. 204, 207). Выделение ее коммуникационного характера, позволяет ученому рассматривать ее в качестве посредника между авторами и читательской аудиторией, включающей будущие поколения (Соколов, 2016а). Представления о библиосфере как посреднике, во-первых, отсылают нас к концепции комплексности книжного дела, включающего в качестве посредников библиотечное дело и библиографию. Во-вторых, напоминают, что в ее основе лежит теория социальных коммуникаций. В другой публикации библиосфера определяется им как социально-коммуникационная суперсистема (Соколов, 2016с). Ее принципиальными отличиями от других социальных сфер (техно-, ноо-, артсферы) Соколов называет наличие книжных фондов, а также то, что ее образуют те области социальной коммуникации, где создаются, обрабатываются, хранятся, распространяются и используются книги в виде произведений письменности и печати. В качестве одной из частей документосферы как области создания, тиражирования, распространения, хранения, использования произведений письменности

² Понятие «структурная модель человека» раскрывается Соколовым на примере так называемого «homo soveticus» (Соколов, 2016а, с. 179) первым и важнейшим качеством которого является его идейность и партийность. С подобным выделением «советского человека» в качестве особого антропологического типа наделенного указанными качествами, нам сложно согласиться.

и печати на бумажных или иных долговременных носителях она определяется Соколовым в статье, посвященной документосфере (Соколов, 2020). В публикации, подготовленной им в соавторстве, – как суперсистема книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая воспроизводство, сохранение и дальнейшее развитие национальной книжной культуры (Соколов, Тургаев, 2020). И, наконец, в одной из недавних публикаций она рассматривается как универсум книг, представляющий собой для грамотного населения столь естественную и необходимую среду обитания, как пригодная для жизни экология (Соколов, 2021, с. 81). Таким образом, статус библиосферы до сих пор окончательно не определен и дрейфует в диапазоне от социального пространства или универсума книг и документов до суперсистемы, обеспечивающей воспроизводство национальной культуры.

Второе положение относится к управляемости библиосферы. Первоначально в качестве управляющих органов рассматривались государственная власть, учреждения культуры, социальные группы и ряд других (Соколов, 2016а, с. 326). Однако далее в качестве управляющей силы предлагается рассматривать «Книжный Разум», или Библиологос (Соколов, Тургаев, 2020). Под ним предлагается понимать производительную силу и коллективный разум исторически устойчивой общности людей, владеющих книжной культурой, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве библиосферы, создающей, хранящей и распространяющей произведения письменности и полиграфии (Соколов, Тургаев, 2020, с. 23, 27). В статье, посвященной анализу природы Библиологоса, Соколов предлагает трактовать его в качестве «вершины человеческой мысли» и «движущей силы человеческого прогресса» (Соколов, 2021, с. 81). Библиологос определяется как коллективный разум цивилизационного общества в виде производительной силы, обеспечивающей создание, сохранение и использование книжной культуры (Соколов, 2021, с. 81). Таким образом, перед нами все та же неопределенность объема понятия, варьирующего в диапазоне от производительной и движущей силы прогресса до коллективного разума, обеспечивающего функционирование книжной культуры.

Третье положение касается ключевого противоречия. Анализируя задачи, поставленные в указе президента РФ (июль 2020 г.), авторами выделяются две задачи. Их решение, по мнению авторов, ведет к коллизии (Соколов, Тургаев, 2020, с. 18–19), разрешение которой имеет большое значение. Первая из них касается создания условий для воспитания гармонично

развитой и социально-ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций. Ее они называют естественной и человекотворческой, ориентированной на способности естественного разума человеческого общества. Вторая задача связана с цифровой трансформацией на уровне цифровой зрелости «ключевых» отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения, образования и государственного управления. Ее решение, по их мнению, предполагает обращение к искусственному интеллекту. В результате, полагают они, возникает сложная мировоззренческая проблема: соотношение естественного разума человеческого социума, который древнегреческие философы именовали Логосом, и электронной информационной системы – продукта техногенной цивилизации. В терминах учения о библиосфере это коллизия между книжной культурой, символом которой служит Библиологос, и цифровой культурой, символизируемой Искусственным Интеллектом. Российский Библиологос, с пафосом заявляют авторы, создан творчески и коллективно поколениями наших предков в течение тысячелетий, и мы не можем согласиться с его изгнанием из «оцифрованной» России (Соколов, Тургаев, 2020, с. 22).

Четвертое положение введения в учение этической составляющей, обозначенной как стремление к гуманизации. В качестве соответствующего инструментария Соколовым предлагается рассматривать книгу, которая объявляется им носителем культурных универсалий, составляющих «гуманизм». Метафорически он называет это «гуманистической магией книги» (Соколов, 2016б). В этом высказывании слышатся определенные отголоски былых представлений Н. Я. Марра и М. Н. Куфаева, которые, по наблюдениям М. Г. Гучнинского, пришли к утверждению о сакральности книги, правда, исходя из противоположных точек зрения на ее природу (Гучнинский, 2000). Так, М. Н. Куфаев двигался от Бога к Слову и Книге, а Н. Я. Марр исходил из положения о социальной природе книги, но при этом, проведя лингвистический анализ терминов «книга» и «письмо», установил, что оба понятия имеют предшествующее значение «бог», «чудовище», «знамение» (Гучнинский, 2000, с. 112). Исходя из представлений о гуманистической природе книги, Соколов полагает, что российской библиосфере следует посвятить себя выполнению гуманистической миссии. Она, по его мнению, заключается в утверждении гуманистических универсалий культуры и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества (Соколов, 2019, с. 13).

Анализ методологического потенциала учения

Начнем с того, что учение было воспринято неоднозначно. Известный отечественный культуролог и философ культуры А. Я. Флиер высказал сомнения в возможности построения ноосферной теории (Флиер, 2017). Он охарактеризовал ее как наукообразную сказку, порожденную прогрессистским романтизмом науки первой половины XX в., опосредованно отражающую общую направленность изменения отношения человека к природе, но непосредственно разбивающуюся о социокультурные реалии человеческой истории и исторически сложившиеся культурные нормативы в этой области. В отличие от него известный советский и российский философ А. Д. Урсул допускает появление в будущем ноосферы и ноосферной культуры, являющейся, по его мнению, «предвидимой “вершиной” глобально-эволюционных процессов во Вселенной» (Урсул, 2017, с. 82). Иными словами, он относит появление ноосферы ко времени, выражаясь фигурально, построения коммунизма. Таким образом, оба философа прямо или косвенно относят учение о ноосфере к утопии. Разница лишь в том, что идеи учения о ноосфере Урсул предлагает реализовать в образовании, однако анализ развития образования оставляется им за скобками.

В библиотечно-библиографической науке к анализу учения о библиосфере обратилась известная украинский документовед Г. Н. Швецова-Водка (Швецова-Водка, 2017, с. 4). В целом она положительно оценила учение. По ее мнению, теоретическая позиция Соколова, доказывающая единство всех социальных институтов библиосферы, представляется обоснованной, что подтверждается не только проведенным им терминологическим анализом, но и практикой деятельности соответствующих социальных институтов. Разделяя положительную оценку, высказанную Галиной Николаевной, мы связываем актуальность разработки данного учения с необходимостью рассмотрения взаимодействия социальных институтов книжного и библиотечного дела и библиографии не только между собой, но и с обществом и государством в решении важных социально-культурных задач. Традиционно, в рамках информационных представлений, сущность библиографии связывалась с удовлетворением информационных потребностей. Однако существуют ли данные потребности, так сказать, в чистом виде? Мы полагаем, что они отсутствуют и что информационная функция является внутренней, осуществляющейся не напрямую, а опосредованно в процессе реализации внешних по отношению

к службам библиографии социальных функций (Плешкевич, 2020). Так, например, основной функцией библиографии, во-первых, выступает упорядочение документных массивов для ориентации в них. Во-вторых, службы библиографии участвуют в реализации целого ряда социальных функций. По отношению к одним из них они занимают уникальное положение, то есть обладают эксклюзивным потенциалом. По отношению к другим функциям они конкурируют с другими социальными институтами. Отсюда следует, что рассмотрение служб библиографии с учетом взаимодействий и конкуренции в социально-информационном пространстве является актуальным. Мы также приветствуем стремление вести теоретические изыскания с учетом поиска решений конкретных задач социально-культурного и экономического развития страны.

Теперь, что касается обоснованности и непротиворечивости основных положений учения. Начнем с перспективности опоры на учение о ноосфере. Как известно, оно рассматривает влияние разумной человеческой деятельности на природу и на глобальные процессы на нашей планете. Масштаб и сложность решения задачи по построению теории ноосферы отразились на терминологии этого учения, его методологии и т. д. Задачи библиотекосуществования существенно скромнее по масштабам и сложности, по сравнению с теми, которые ставили перед собой В. И. Вернадский и его последователи. Отсюда следует, что прямой перенос терминологического аппарата и основных теоретико-методологических положений в учение методологически не оправдан. Косвенно об этом свидетельствует отсутствие единой дефиниции библиосферы. Это же замечание касается и стремления адаптировать основное противоречие ноосферы применительно к библиосфере. Мы полагаем, что выделение противоречия в качестве ключевого диалектического положения оправдано в том и только в том случае, когда оно, во-первых, не очевидно, и, во-вторых, его разрешение ведет к развитию. Так, к примеру, одним из путей разрешения противоречия между развитием цивилизации и окружающей среды является включение техносферы в состав биосферы. Является ли коллизия между книжной и цифровой культурой очевидной и разрешимой? Можно ли в рамках библиотеки противопоставить книжный фонд, который Соколов трактует как составную часть Библиологоса, электронному цифровому фонду, который отнесен им к искусственному интеллекту свободного доступа (Соколов, 2021, с. 89)?

Поиск ответов на этот вопрос мы связываем с раскрытием природы противоречия, то есть оно вызвано сложностями перехода

от «буквы к цифре»³, и, таким образом, перед нами «детская болезнь роста», либо природа «цифры» носит антигуманный характер. Один из ответов был дан М. Г. Voxрышевой в рамках ее концептуальных представлений о цифровом и когнитивном разрывах (Вохрышева, 2018). Суть первого разрыва заключается в отсутствии у значительного числа пользователей навыков использования новых технологий; суть второго – в отсутствии навыков работы с самой информацией, с ее новыми формами, с растущим потоком информации и т. д. Очевидно, что перед нами проблема роста, а обращение к истории показывает, что с решением аналогичных проблем человечество уже сталкивалось. В-третьих, сложно установить, каким образом данная коллизия соотносится с тезисом о том, что построение цифровой экономики невозможно без цифровизации деятельности учреждений культуры, без перевода целого ряда услуг, включая библиотечные, в «цифру»? В-четвертых, способна ли современная библиография веб-ресурсов (вебиблиография) в достаточной степени охватить цифровые ресурсы или нет? Таким образом, до тех пор, пока на эти вопросы не будут даны исчерпывающие ответы, эта коллизия рассматривается нами как схоластическая.

Ключевым понятием учения выступает Библиологос. Обосновывая это понятие, Соколов дает исторический обзор зарождения и развития понятия Логоса, акцентируя внимание на двух его базовых концепциях. Первая носит религиозно-философский характер. Ее начало было положено еще Гераклитом, который считал, что в мире природы и событий все происходит в соответствии с Логосом и что это разум Божий, направляющий мир и каждого человека. В дальнейшем идея Логоса как орудия, при помощи которого Бог сотворил мир и управляет им, вошла в целый ряд религиозных и философских учений. В христианстве считается, что Слово, или Логос возникло до сотворения мира и пребывало с Богом еще до начала времен и мира, т. е. предшествовало ему. В рамках таких представлений Библиологос трактуется как Коллективный разум и производительная сила (Соколов, Тургаев, 2020).

Вторая концепция носит культурологический характер. В ней Логос обозначает единство понятия, слова и смысла. На ее основе Роланом Бартом была высказана идея логосферы (Барт, 1989), получившая развитие в работах Е. А. Петровой (Петрова, 2018). Ею предложено рассматривать логосферу как логопространство,

типичное для определенной культурной среды, в рамках которого формируются навыки логического мышления и логическая культура. Иными словами, логопространство складывается исторически, оно имеет национальные особенности и тесно связано с особенностями социальной модели. Опираясь на эти представления, А. В. Соколов заявляет, что Библиологос формируется в рамках национальной логической культуры и что мы имеем дело с его российским вариантом, который сформировался к 1980 г. (Соколов, 2016б). Однако мы можем сказать, что А. В. Соколов не вполне корректно интерпретировал идеи логопространства. Из представлений культурологов также вытекает тот факт, что логопространство возникло в процессе формирования логического мышления и что его источником выступает логическая культура, пусть и с национальной спецификой. До тех пор, пока эта культура будет существовать, будет существовать и это пространство. Отсюда с логической неизбежностью следует вывод о том, что выделение логосферы не может быть положено в основание исторической периодизации и что на смену периода логосферы не может прийти новый период, в основе которого будет находиться библио- или какая-нибудь иная сфера.

Суммируя вышеизложенное, мы полагаем, что с методологической точки зрения Библиологос – это синкретическое понятие, в котором мистическое доминирует над рациональным. Можно ли рассматривать его в качестве производительной силы применительно к библиографии и библиотечному делу? В контексте мистического мышления можно, тогда как в рамках рационального мышления оснований для этого мы не видим.

Безусловным новаторством учения выступает его этическая составляющая, связанная с «выращиванием» нового человека. Очевидно, что подобная задача может быть успешно реализована в контексте организации литературной среды. Отталкиваясь от представлений о достаточно слабой структурированности книжного пространства, мы предлагаем посмотреть на библиографию и библиотечное дело как на «институциональные культурологические сети», брошенные на книжное пространство и структурирующие его. Как нам представляется, метафора сети при всей ее условности и механистичности помогает представить целенаправленное переформатирование литературного книжного пространства библиосферы в культурно-образовательную среду. Таким образом, гуманизм книги – это ее качество, внесенное библиографией, особенно ее рекомендательной составляющей. Более того, само учение можно назвать библиографическим.

³ Попутно отметим, что с точки зрения лингвистики разница между буквой и цифрой заключается в том, что буква принадлежит к фонетической системе письма, тогда как цифра к идеографической.

Заключение

Подводя краткие итоги, хотим отметить, что задача создания трансдисциплинарного учения, позволяющего комплексно описывать, объяснять и прогнозировать процессы развития библиографии, актуальна. Его отличие, например, от документально-информационных теорий заключается в акцентировании внимания на социальных и гуманитарных вопросах, и в этом мы видим новизну и значимость. В контексте дальнейшего развития учения мы рекомендуем акцентировать внимание на углубленном изучении тенденций, связанных с развитием научно-образовательной, производственной, просветительской, культурно-досуговой сфер общественной жизни с опорой не только на философские учения, но и на статистические материалы, а также на отечественный и зарубежный исторический опыт. Возможно, что более продуктивной окажется не общая дефиниция библиосферы, а комплексная. С методологической точки зрения важно учитывать прикладную специфику библиотечно-библиографической науки, адаптируя понятия и методологию ноосферного учения под решение конкретных прикладных задач. Косвенно это понимает и сам А. В. Соколов, сводя «практические выводы» своего учения к идеям сохранения профессии библиотекаря и библиографа, ограничивая роботизацию библиотечных и библиографических технологий. Мы также предлагаем отказаться от идеи противостояния «гуманитариев и советских технократов». Примером привнесения такого противостояния выступают спекуляции о том, что «библиотечная деятельность,

на взгляд типичного технократа, состоит из легко алгоритмизируемых технологических процессов ... поэтому логично и рационально превратить библиотеку в гибкую автоматизированную линию машин и приборов» (Соколов, 2021, с. 88). Анализируя такое спекулятивное высказывание сквозь призму всего научного творчества Аркадия Васильевича, мы не увидели фактографического или иного рационального обоснования этой идеи и поэтому рассматриваем ее как побочный продукт его технического образования. Следовательно, ее не стоит продуцировать на мышление всех технических специалистов, занятых автоматизацией библиотечных процессов, а также привносить эту идею в учение о библиосфере.

В качестве управляющего начала библиосферы мы предлагаем рассматривать государство и общество, действующее через информационные институты, ключевыми из которых выступают СМИ, библиография, книжное и библиотечное дело, структурирующее информационное пространство (Плешкевич, 2013). Что касается ключевого противоречия, то в качестве такового мы предлагаем рассматривать коллизию между информационными потребностями отдельных его членов, действующих в условиях рыночной организации информационного общества, и интересами развития общества, основанного на принципах гуманизма.

В заключение мы хотим поблагодарить Аркадия Васильевича за существенный вклад в развитие науки, а также выразить надежду, что наши рекомендации и замечания, высказанные в рамках научной дискуссии, будут содействовать развитию учения.

Список источников / References

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс, 1989. 616 с. [Bart R (1989) *Selected works. Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Вохрышева М. Г. Научный комплекс «Библиотековедение, Библиографоведение и Книговедение» как единый объект исследования // Культура: теория и практика : электрон. науч. журн. 2019. № 2. С. 1–4. [Vokhrysheva MG (2019) Scientific complex “librarianship, bibliography and bibliology” as a single research object. *Kul'tura: teoriya i praktika: electron. nauch. zhurn.* 2: 1–4. (In Russ.)]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38215851_10307290.pdf (дата обращения = accessed 10.04.2021).
- Вохрышева М. Г. От информационной компетентности – к медиаинформационной // Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГИК, 2018. С. 69–76 [Vokhrysheva MG (2018) From information

competence to mediainformation one. *Vos'mye Azarovskie chteniya. Biblioteka. Kul'tura. Obshchestvo: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Samara, pp. 69–76. (In Russ.)].

- Вохрышева М. Г. Трансдисциплинарные объекты исследований в библиографоведении // Библиография и книговедение. 2017. № 5. С. 11–18 [Vokhrysheva MG (2017) Transdisciplinary objects in bibliographic research. *Bibliografiya i knigovedenie* 5: 11–18. (In Russ.)].
- Гучнинский М. Г. Становление и развитие общей теории отечественного книговедения, 1917–1941 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2000. 275 с. [Guchninsky MG (2000) *Creation and development of the general theory of Russian bibliography, 1917–1941: dissertation*. Saint Petersburg. (In Russ.)].
- Моисеев Н. Н. Современный рационализм. Москва : МГВП КОКС, 1995. 376 с. [Moiseev NN (1995) *Modern rationalism*. Moscow: MGVP KOKS. (In Russ.)].
- Петрова Е. А. Логосфера как вербально-дискурсивная сфера культуры // Актуальные проблемы права

- и государства в XXI веке. 2018. Т. 10, № 2. С. 26–30 [Petrova EA (2018) Logosphere as a verbal-discursive culture sphere. *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke* 10 (2): 26–30. (In Russ.)].
- Плешкевич Е. А. О методологии моделирования развития отечественного библиотечного дела // Научно-техническая информация. Серия 1, Организация и методика информационной работы. 2020. № 9. С. 1–7 [Pleshkevich EA (2020) On the methodology of modeling the national librarianship development. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty* 9: 1–7. (In Russ.)].
- Плешкевич Е. А. Социальная миссия библиотеки в контексте информационного направления документального подхода // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. Москва : Пашков дом, 2013. С. 59–77 [Pleshkevich EA (2013) The social mission of the library in the context of the information direction of the documentary approach. *Biblioteknyi sotsial'nyi institut: novye aktsenty i aspekty*. Moscow, pp. 59–77. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Библиосфера и иносфера в культурном пространстве России : проф.-мировоззренч. пособие. Москва : РШБА, 2016а. 384 с. [Sokolov AV (2016a) *Bibliosphere and inosphere in the cultural space of Russia*. Moscow: RShBA. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Документосфера в социокультурном пространстве // Сфера культуры. 2020. № 2. С. 13–24 [Sokolov AV (2020) Documentosphere in the sociocultural space. *Sfera kul'tury* 2: 13–24. (In Russ.)].
- Соколов А. В. На путях познания документосферы. Часть 3. Третье приближение к сущности документа: гуманистический подход // Научные и технические библиотеки. 2016б. № 7. С. 3–23 [Sokolov AV (2016b) On the ways to knowledge of documentosphere. Part 3. The third approach to the document essence: a humanitarian approach. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 7: 3–23. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Ноосфера и библиотеки // Научные и технические библиотеки. 2017. № 9. С. 71–82 [Sokolov AV (2017) The noosphere and libraries. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 9: 71–82. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Противоречия российской библиосферы и библиософия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1. С. 11–13 [Sokolov AV (2019) Contradictions of Russian bibliosphere and bibliosophy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 1: 11–13. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Типология революций и Библиологос // Библиосфера. 2021. № 1. С. 75–91 [Sokolov AV (2021) Typology of revolutions and Bibliologos. *Bibliosfera* 1: 75–91. (In Russ.)].
- Соколов А. В. Функции библиосферы. Часть 2 // Научные и технические библиотеки. 2016с. № 2. С. 5–24 [Sokolov AV (2016с) Functions of bibliosphere. Part 2. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 2: 5–24. (In Russ.)].
- Соколов А. В., Тургаев А. С. Библиологос и библиотечно-информационное образование // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 15–44 [Sokolov AV and Turgaev AS (2020) Bibliologos and library-information education. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 12: 15–44. (In Russ.)].
- Урсул А. Д. Несколько замечаний о ноосфере // Вестник культуры и искусств. 2017. № 3. С. 78–86 [Ursul AD (2017) Some remarks about noosphere. *Vestnik kul'tury i iskusstv* 3: 78–86. (In Russ.)].
- Флиер А. Я. Не стоит сказку делать былью // Вестник культуры и искусств. 2017. № 3. С. 87–90 [Flier AY (2017) You shouldn't turn this dream into reality. *Vestnik kul'tury i iskusstv* 3: 87–90. (In Russ.)].
- Швецова-Водка Г. Н. Учение о библиосфере – новый вклад в библиотечно-информационную науку // Библиосфера. 2017. № 1. С. 3–9 [Shvetsova-Vodka GN (2017) The bibliosphere doctrine is a new contribution in library-information science. *Bibliosfera* 1: 3–9. (In Russ.)].